

Ната Чернышева

КРЫЛЬЯ СМЕРТИ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
НЗЗ

НЗЗ **Ната Чернышева**
Крылья смерти / Ната Чернышева – М.: Литнет, 2026. — 390 с.

ISBN 978-5-524-01299-9

Она — капитан эскадрильи смертников. К ней отправляют штрафников с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий. Чтобы геройской смертью могли искупить совершенные преступления.

Он — «улицу неправильно перешёл», то есть, повздорил с начальством.

Ей — крепить в новеньком дисциплину кулаком и чёрным словом. Ему — учиться работать в команде с теми, к кому в иных обстоятельствах близко не подошёл бы, побрезговал.

А враг не дремлет.

Любовь? Не смешите нашу плазму, идёт война! Но если сегодня не знаешь, будешь ли жить завтра, то чувства рано или поздно прорвут барьеры. Несмотря ни на что и вопреки всему...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-01299-9

© Литнет, 2026
© Ната Чернышева, 2026

Глава 1.1

Шаора

В ангаре пахнет озоном и железом. Стоят в ряд машины — только что с вылета — в основном, старьё от «Юпитер-Лион». Два тренажёра, ещё с докосмической эпохи оба, наверное. Ползёт платформа с техниками... оттуда, из самой древности, как ещё не разваливается на ходу...

На новые машины надежды нет: нас снабжают по остаточному принципу.

Мы — Крылья Смерти, эскадрилья штрафников. Нами затыкают самые поганые дыры. Шансы выжить стремятся даже не к нулю, а в минус бесконечность. Иногда приходят амнистии... посмертно чаще всего. Но нам важно выжить не только за тем, чтобы дожидаться заветного приказа. Всё проще. Если вернёшься с вылета сегодня, значит, отправишься на randevu с врагом завтра. И, может быть, ещё сколько-нибудь ублюдков отправишь в чёрную дыру без права обратной сборки.

Враг, он гарантированнодохнет, если вогнать ему в движки ракету.

Моя птичка паркуется у самого шлюза. Первая на вылет, последняя на заход. Не мной это правило заведено, не на мне и закончится. Пока пройдёшь к себе или от себя, увидишь всё. В каком состоянии машины, какое настроение у каждого пилота. Пара слов порой творит чудеса, а иногда и слова не нужно, достаточно жеста.

Да, многим из моих асов на гражданке надели бы галстук на шею, без долгих разговоров. Большинство здесь — за конкретные дела. Но разбрасываться хорошими пилотами командование не спешит, предоставляя возможность вершить правосудие врагу. А я...

Я хочу, чтобы их награждали не посмертно. Чтобы они дожили до победы. Чтобы жили потом в отставке спокойно. Чтобы просто жили.

Много хочу? Нет, в самый раз. Вам не понять.

... Что там впереди такое? Дракой пахнет, что ли? Новенький, наверное, явился. Перед вылетом пришло уведомление, но разбираться было некогда, тревожный уже прозвучал. Вывела с комбраса на сетчатку глаза документы.

Так. Илья Ветров, человек. Генная модификация — герад-179 с доминантой Глебовой, то есть, попросту говоря, пирокинез. Индекс Гаманина — сто девятнадцать. Вот почему он пилот! В космодесант берут с Гаманиным не ниже ста двадцати. Балла не хватило, а это о многом говорит.

Об уязвлённости, например.

Будь у него индекс, скажем, сто пять или даже сто десять, он бы не дёргался, тут всё понятно и так. Как выражаются люди, от осинки не рождаются апельсинки. А сто девятнадцать, вот должно быть очень обидно для мальчика со Старой Терры, где культ службы в действительной армии — это образ жизни.

Новенькие — зубная боль. Учи его, лечи его, чтоб в коллектив влился. Только успокоится всё, слетаемся, я порадуюсь, что наконец-то у меня команда, на которую можно положиться... Как — хлоп! — и размажет кого-нибудь на кварки по орбите. Плазма, гроб или мочало, начинаем всё сначала.

Я люблю возиться с новичками. Иной раз из такой тьмы человека выдёргиваешь... Если бы не война и не происхождение, я могла бы стать психотерапевтом. Может быть, не самым лучшим, но и не последним в списке. Наш штатный мозгоклюй, полковник Сергей Дивномиров, ответственный за поддержание боевого духа и высоких моральных установок среди личного состава, меня уважает. С дрожью думаю о том, когда он усвистит на гражданку. А он может, он уже в солидном возрасте. Пришлют на его место вчерашнего выпускника с глазом горящим и высокими принципами, только что из ксенологического универа. И люби его, сопляка дурного, вместе со всеми его мозговыми червями как хочешь.

... — враголюбка! — долетело до моего уха.

Это новенький прицепился к самой сложной из всех моих девушек. Да, её дело до сих пор ещё на слуху... Но если Ветров хотел сорвать на ней злость, то совершил гиперпереход в чёрную дыру. Она не реагирует ни на какие оскорбления. Вообще ни на что не реагирует, любой голос, кроме приказа в боевой обстановке, для неё белый шум, не стоящий внимания.

Психзащита... Все мы тут в голову раненые. Кто-то меньше, кто-то больше. Проталкиваюсь вперёд:

— Кто тут у нас такой громкий?

Новенький смотрит на меня с тяжёлой злобой. Сверху вниз, — скала небесная, а не носитель разума. Я знаю, как я выгляжу, мой народ больше тысячи лет живёт на «тяжёлой» планете, с высокой гравитацией. Я новенькому, что называется, в пупок дышу, но разница в росте ничто по сравнению с разницей в опыте и мотивации. Я его сделаю. Даром, что так называемый сильный пол. Одной силы здесь мало.

Он деморализован. Зол. Считает себя осуждённым ни за что, кстати, вполне может быть, и так, надо подробнее изучить его дело. Наша компания его бесит. Он считает себя лучше всех нас, вместе взятых. И очень уж ему не хочется «ударить в грязь лицом», как говорят люди. То есть, показать себя слабым и сломленным.

А мне лично нечего терять. Давно.

Как и любому из моих пилотов.

— Хочешь подраться? — спрашиваю. — Давай!

— На интерес, — бросает он холодно.

Глаза с прищуром — ледяная сталь. Улыбочка мерзкая. Можно даже не гадать, что он задумал, всё ж на поверхности.

— Ну, а как же иначе-то, — киваю. — Твой интерес?

— Секс!

Ожидаемо. У людей либидо — выше среднего по больнице, постоянный контакт со смертью желание только подстёгивает. Но если

этот Ветров думает, что ему обломится сладенькое, он ошибается. Урод. Будет ему секс. Вдосталь!

— Сорок дней дежурств в клининге.

Как я уже говорила, снабжают нас по остаточному принципу. То есть, системы жизнеобеспечения и канализации тоже не самые новые и лучшие. Уход за ними у нас по графику, но выхватить вне очереди вполне себе можно. Ветрову сейчас, можно сказать, сами боги глубокого космоса велели. Надо обновить коллекцию зубных щёток, кстати. Без ультразвука!

После первого же клинча Ветров — на одном колене, и парочка зубов на железном полу. Ничего, медицина у нас имеется, вживят ему новые. Это ещё он дёшево отделался: била я безжалостно, почти как врага. Да он и был врагом сейчас. Его поведение в бою могло погубить всех нас как нечего делать. У нас машины со слиянием, здесь авторитет капитана надо устанавливать раз и навсегда.

Что? Словами? Словами — это слишком долго, враг такого роскошного подарка нам не даст. Но могу и словами. Комбинированный, так сказать, заход.

Глава 1.2

— Ты — человек, — объясняю спокойно. — Я — алаурамху. Сечёшь разницу?

Мы сильнее людей. Живём в условиях повышенной гравитации. Приходится в тренажёрке торчать дольше, чем человеку, чтобы банально мышечную массу сохранить. Хорошо летать со своими, но своих здесь нет и вряд ли будут, а под одну меня настраивать гравитацию никто не станет.

Приспосабливается одиночка, а не коллектив. Ничего. Норм, я привыкла.

Ветров злобно сжимает кулак. Алое пламя пляшет по пальцам, багровый огонь паранормы. И пусть его индекс Гаманина не дотягивает одного балла до самого слабого показателя элиты спецназа, поджариться можно и на слабом паранормальном пекле вполне реально.

— Скиапфарабу, — предупреждаю, усмехаясь. — Моя родина. Не слышал?

Спустя несколько минут я удобно устраиваю колено на шее новенького и продолжаю ликбез:

— У нас на Скиапфарабу федералов не любят. Шесть мятежей, и это только за последние десять лет. Паранорма пирокинеза биоинженерам моей родины недоступна, но модификация кожи в сторону повышенной огнеупорности — наш эксклюзив. Она до сих пор не адаптирована под людей, понятия не имею почему, я не биолог. Ещё вопросы есть? Громче, не слышу!

— Убей, — злобно хрипит он. — Ну?!

Понимаю, можно сказать, сочувствую. Лежит мордой в пол, а эти проклятые бабы-преступницы с бронзово-зелёными от загара тысячи звёзд рожами на него смотрят и тихо, — громко при капитане не осмеливаются, — над поверженным ржут. И пищеблок после

наших гентбарцев надраивать тоже неохота. Чем гентбарцы питаются, каждый знает: тухлятиной и прочей дрянью, смердящей так, что глаза вылезают на затылок и свободно катятся потом до самой задницы. От нашей пищи их тошнит (как нас от гентбарской кухни, тут взаимно), а в гентбарском-матерном немало эпитетов, содержащих в основе ёмкое определение «свежий».

Ты хотел секса, мальчик? Ты его получил! Не такой, правда, как думал. Но что поделаешь. Жизнь — боль.

Встаю. Он тут же вскакивает, взбешён до предела. Ещё один выпад. Кулак, пылающий алым огнём, — летит в лицо. Ухожу влево, перехватываю под локоть и мордой, мордой его бесстыжей, в пол, опять. Я ему спину сломать о колено могу, в таком положении — запросто. Я сильнее, спасибо родному шарiku с его повышенной гравитацией, а Ветров — без брони, уравнивающей шансы.

— Ты — проиграл, — шиплю ему в ухо. — Смирись.

Он в ответ взрывается огнём. Паранормальный щит, и любого другого обожгло бы и выломало так, что сразу на гражданку комиссовали бы. Но я — не любая другая. И с паранормалами посильнее этого Ветрова дела уже имела.

На этот раз новенький поднимается очень не скоро. Сначала на четвереньки. Потом на колено. Мотает головой, под носом пузырится алая юшка. Я приглашающе потираю кулак. Хочешь ещё? Будет тебе ещё! Всё, что пожелаешь.

Девчонки не выдерживают, орут:

— Ша-о-ра! Ша-о-ра! Давай! Так его!

Шаора — это я. Имя, данное родителями. В основе его — тот же корень, что и с «ас-шаорай», перелётной птицей, перевозчиком душ мёртвых в Обитель Морского Леса. Какая мощная символичность, не правда ли? Впору посмеяться. Вот только вряд ли Ветров знаком с мифологией моего народа. Не оценит!

— Заканчивай, — говорю противнику. — Не хочу калечить тебя!

— Пошла ты... — цедит сквозь зубы, и снова бросается.

С закономерным результатом: мордой в пол. И пятиминутной бессознанкой. Надеюсь, без сотрясения, а то на вылете мозги новенькому ещё понадобятся. Хотя какой вылет, ему же сортиры чистить в ближайшие дни, а там мозги ни к чему.

Секса ему захотелось.

Со мной.

Сейчас. Уже. Разбежалась!

Ветров поднимается. Сам. Силён, думала уже медиков звать. Смотрит злобно, жду, что сделает. Если кинется — проиграет снова, и он это наконец-то понимает. Очень хорошо, что понимает, а то заход на очередной круг ничего хорошего не принесёт. Мало радости вылетать на боевое, опасаясь ракеты в корму от уязвлённого! Кто там будет разбираться, особенно с нами. Невосполнимые потери, цинк, печь, чёрная строка с датой в базе данных нейросети несущего корабля. Был пилот в штрафной эскадрилье, и нет его.

Война.

— У нас, — говорю, закрепляя пройденное, — не принято любопытничать, кто и за что сюда угодил. Что там у кого когда *было*, никого не касается. Ты здесь, и этого достаточно. Вольно. Приступить к исполнению обязанностей.

— Есть, — с ненавистью отозвался он.

— Разошлись, — повысила я голос. — Представление окончено. Ангар опустел в считанные секунды

Глава 1.3

— Разрешите обратиться, госпожа капитан?

Ощущение — штурмовая башня заговорила. Надо же понимать, как выглядит человек, пусть даже и женщина, после службы в космодесанте. Кулаки, бритый череп, угрюмый взгляд. Мы здесь все не со сказочного бала, но десантура и летуны — абсолютно разные весовые категории. Между прочим, на удивление хорошо летает. Я-то думала, буду возиться, но нет.

— Вольно, Ламберт. Слушаю.

— У нас два тренажёра, которые никак не отвечают реальности. Они устарели. Им нужно сменить прошивку на другую, чтобы получить больше локаций, больше схем взаимодействия.

— И что предлагаешь? — спрашиваю я. — Инженера по софту ждать будем до угасания Вселенной.

Усмехается. Прямо огонь сегодня: голос плюс эмоции, ново.

— Вещи свои смотрела недавно, и нашла флэш-бокс «Покори Вселенную», локация «Защити орбитальную станцию». В юности... играла. Старьё, но и наши тренажёры тоже не последний писк сезона. Совместимость есть, проверяла.

Я подумала. Потом ещё немного подумала. Учись, играя, — этот принцип придуман не вчера. «Покори Вселенную» — мощная игровая платформа, популярная даже и за пределами Земной Федерации. Суть её в том, что ты выбираешь абсолютно любую локацию, и поднимаешься в ней с нулевого уровня до верхнего предела. Хочешь — фермерствуешь и строишь, есть режим «творчество». Хочешь — дерёшься. Фокус в том, что обучающие программы там максимально приближены к реальным, и фанат «Покори Вселенную» в части полетаек с пострельбушками осваивает потом боевой истребитель как нечего делать: база в него уже вколочена давно, турнирами, тренировками и игровой нейросетью,